

АВЕ БАК

НАСТАВНИК

Аве Бак

Наставник

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Бак А.

Наставник / А. Бак — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Главный герой, Василий Ручкин, сын важного областного чиновника, поступает учиться в самое престижное учебное заведение страны – Академию главных чиновников. Место странное и даже мистическое. У Васи открываются необычные сверхспособности и появляются друзья и враги. Самым близким становится лесогорец Иван, потомственный волхв. Благодаря его знаниям Вася узнаёт, что он является избранным Наставником чертей в мире людей, их правителем и судьёй. Его избрал перед смертью Морти Гномус и предал ему перстень власти – Великий Чёрт.

© Бак А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ВХОД	5
I	6
II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аве Бак Наставник (ироническое фэнтези)

ВХОД

Эта история начинается и заканчивается на кладбище. Однако, закончиться на кладбище у неё гораздо больше оснований, чем начаться.

Симпатичная серая кошечка шныряла между надгробьями без особой цели. Так, прогуливалась. Остановилась возле одного, более необычного, чем прочие. Высокая каменная полусфера выростала округлой крышей восточного караван-сарая в миниатюре из широкой горизонтальной, гранитной плиты. Если бы кошечка ещё и умела читать, то надпись на плите непременно удивила бы её. «Не пора ли Вам к нам?» – гласила эпитафия, обращённая, по-видимому, к каждому прочитавшему.

Кошечка ловко вскочила на самую верхушку полусферы и стала с любопытством озиаться. Вдруг верхняя половина каменного шара мягко двинулась вниз, а испугавшееся животное оцепенело от неожиданности. Этой неосмотрительной нерасторопности хватило для того, чтобы кошечка на шаре ушла под плиту и только громкое «Мяу!» прощально прозвучало из открывшейся бездны.

Всё! История началась.

I

Сознательный выбор

Ну, кто и куда собрался по окончании школы, это как говорится, его личное дело. Вот неплохой вариант. Идти в начальники. В какие? А бес их разберет. В принципе, какая разница. Много в стране разных должностей и каждая привлекательна. Посмотришь на человека при должности, и сердце колючкой забьётся у рядового гражданина: «А вот бы я на это место!» Идет себе руководитель: костюмчик от кутюр, часы швейцарские, не «Победа» какая-нибудь как у директора школы, минимум «Омега», а машину водила как подгонит, выскочит, двери задние откроет: «Прошу Вас, Петр Петрович!» и, хлоп! Петр Петрович жопу в мерседес. Поехали по государственным делам.

Как дела государственные представляет каждый наш человек: взял бабок зеленую и по девкам или в командировку в Париж, в кабаке на Эйфелеву башню, водки нажрешься и рыгай себе как Квазимодо с балкона Собора Парижской богородицы. Красота! Кайф!

Кому ж как не Васе Ручкину, сыну ответственного руководителя, было знать, как начальники живут. Кузьма Трофимович, Васин батюшка, был человек заметный, птица высокого полета. Уже более двадцати лет подвизался на разных крупных должностях областного значения. Особенно повезло в прошлом году – повысили. Вызвали в столицу и назначили начальником областного управления по контролю за моралью государственных служащих. Очень карающая инстанция. Меч, можно сказать, для немедленной рубки всего, что «встает против морали!». Да, так отцу в Столице министр министерства Морали и Этики сказал «Руби, дорогой Кузьма Трофимович, этим мечом все, что встало против морали, невзирая на лица!». После папиного рассказа Васе эта картина ужасно предстала в воображении, отец рубит, кровь хлыщет, а лица, у покаранных такие, что точно, лучше не взирая. Правда, постепенно он к этой картинке в своем сознании очень даже привык и порой в фантазиях заменял уставшего отца, так сказать, помогая на производстве.

Кузьма Трофимович, при всей занятости, воспитанием сына занимался регулярно. Беседовал с Васей, помогал определиться в выборе правильного жизненного пути. Сядет, бывало в воскресенье с утра, просмотрит номер свежей столичной газеты «Правда и совесть», начтается всяких политических откровений и позовет:

– Василий!

– Да папа, – идет Вася, на лице фраза «а куда я денусь».

– Садись сынок. Ты скажи мне Василий Кузьмич, что ты дальше в жизни делать собираешься? Может в шахту хочешь пойти или на завод токарем, а может, вообще, говно чистить надумал в общественных сортирах? Говори!

– Нет пап, я в институт пойду или в университет.

– Молодец! – Облегченно вздыхает Кузьма Трофимович, после первого этапа пытки. – А в какой ВУЗ конкретно ты собрался? В политехнический на инженера или в педагогический на учителя, туда, где учат на зарплату жить?

– Ну что ты папа. Я хочу в люди выбиться. Как ты и советовал в прошлый раз, пойду только в Академию главных чиновников.

– Вот и хорошо, – заулыбается отец, самодовольно с прищуром, – вот и умница. Будешь, брат Вася, учить людей строить правильную жизнь, бороться за счастье нашей страны, за ее честь, славу и все такое.

– Папа, я учусь не плохо, я ж не дурак, – говорит дежурную фразу Вася, а он действительно был парень неглупый и начитанный, по всем предметам тянул не ниже твердой четверки, а гуманитарка, та вся на «отлично».

– Знаю, Вася, знаю, – размякает Кузьма Трофимович, – поэтому и говорю, что дорога твоя лежит, да! Лежит и ждет тебя в Академию главных чиновников. Туда с «тройками» не берут, ну берут, конечно, но надо, чтоб родители очень высоко сидели, например, если министры или депутаты. А я, как видишь, птица областного масштаба, но я на жизнь, Вася, не жалуясь, не хнычу и не впадаю в истерику.

«Насчет истерики, это он приврал. Впадает в нее всем телом и часто. Не зря за моралью надзирать поставили. Берсерк в бою с врагами. От него из кабинета людей штабелями в скорую тащат», – отмечает Вася про себя.

В Столице, кстати сказать, именно за эти качества ценили Кузьму Ручкина. Умел впадать в праведный чиновничий экстаз. А как обличал! Как обличал, если сверху просили. Великий Инквизитор мальчик по сравнению с тов. Ручкиным. Как истинный мастер обычно работал с вдохновением, импровизировал, предпочитал дать разнос ни за что. Форму поддерживал. Мог вызвать любого, – трезвенника и пьяницу, честного и вора, мог вызвать с утра, в обед, в конце рабочего дня, иногда, для куражу, среди ночи. А бывало еще, если надо растоптать жертву окончательно, чтобы персонаж никогда не поднялся и даже не думал об этом, то приглашал Кузьма Трофимович подконтрольную прессу. А на следующий день вся область читает, что некто, «бывший уже начальник, растратил, разбазарил, рассыпал последние крупички своей и без того ослабленной морали, превратившись в негативный пример со всеми вытекающими последствиями».

– Я, Вася, сынок, путь свой прокладывал сам. Выйти из семьи простого учителя в такие начальники, поверь мне, это кусок жизни и здоровья, это, Вася, труд, мораль, Вася, и умение дружить с вышестоящим руководством.

Насчет вышестоящего руководства Ручкин не врал и даже не лицемерил. Он «в люди» через это вышестоящее начальство и вылез.

Когда-то, по окончании физкультурного техникума, молодой Кузьма Ручкин пришел учительствовать в школу, преподавать физическую культуру. Кузя был парень погулять не дурак. Зависал часто вечерами в дискотеке «Тополек» и имел массу добрых связей. Однажды подцепил видную девку, в хорошем фирменном прикиде, по всей видимости, без комплексов. На секс-экшн она потащила его на папину дачу, такси оплатила сама.

Двухэтажный особняк, со скромным названием «дача» поразил неискушенное воображение преподавателя физкультуры. Такую жизнь Кузя видел впервые. Ночь он отработал на мировой секс-рекорд, но не книга Гиннеса была его великой целью, а эта чувиха, имени которой он, кстати, еще так и не узнал.

Уже утром на кухне она, от нечего делать, спросила, как его зовут. Когда услышала что Кузьма, долго истерически хохотала. Потом, уже успокоившись, назвала себя: «Таисия».

Что-то сработало у физкультурника Ручкина в голове, как щелкнуло, у нефизкультурников это называется интуиция. Эта щелкнувшая интуиция подсказала Кузьме, что со своим именем он вполне может претендовать на девушку по имени Таисия. Но сработало не только это. Всем нутром учитель Ручкин ощутил, что сможет понравиться родителям, которые дали дочери такое имя.

Как охотничья собака чует зверя за километры, так Кузя почувствовал запах, нет, не запах, дух, нутро Тайкиных папы и мамы за десятки километров от дачи, он уже провел их аэрофотосъемку с огромной высоты, как космонавты фотографируют урожай из космоса, он понял, что вышел на главную беговую дорожку своей жизни. Может быть, именно этот щелчок в голове, этот момент карьерно-сексуального инсайта был предзнаменованием, что Кузя готов к подъему по винтовой бюрократической лестнице. Он тогда этого еще не знал, но это было в тот момент совсем неважно для мировой истории, как впрочем, и потом.

Через несколько дней выяснив, в том же диско-баре «Тополек», кто такая Тайка, где живет, где учится, кто ее родители, Кузьма с букетиком цветов припёрся на ступеньки областного университета к корпусу, где размещался факультет иностранных языков.

Когда студентка Тая с толпой сокурсниц вывалила из корпуса и увидела Кузьму с цветами, она очень удивилась. Позже, она ему призналась, что просто охренела. И тут она допустила главную ошибку, которую допускает абсолютное большинство дочек состоятельных и влиятельных родителей, она сделала шаг в его сторону, короче, она подошла к нему. Тая была в шоке. Нет, не от наглости этого Кузи, не от его «отечественной» одежды, она пребывала в шоке от самого факта живого чувака с цветами после такого ночного траходрома. Обычно, другие знакомые мальчики ее круга подваливали с шампанским на тачках с призывом потусоваться да еще потрахаться, выдавали все эти банальности, с нагло кислым «свинским» выражением морды-лица. А тут, с букетиком скромных цветов, с ангельским влюбленным челом стоит скромный учитель Кузя, как из правильных фильмов о любви, которые лезли из детских воспоминаний черно-белыми пятнами.

Через неделю свиданий с бурными ночами Таисия объявила, что завтра поведет его знакомить с родителями, что выглядеть он должен очень прилично, что папа директор крупного завода, а мама значительный общественный работник в областном управлении и, что папа и мама сказали, что за последние дни она изменилась в лучшую сторону и они хотят увидеть того, кто так положительно влияет на их дочь.

Вот какие воспоминания нагло лезли в руководящую голову Кузьмы Ручкина, как он их не гнал. Лезли и тыкали мордой в личную историю, в автобиографию, которую не хочется заполнять фразой «сделал карьеру n-ой частью тела», т. е. за счет жены и ее родителей.

Семья Тайки жила в элитной высотке в центре города. Подъезд с консьержем, стены в импортном кафеле, ручки перил дубовые, в холлах пальмы в горшках и буржуйская мебель.

Родители оказались такими, какими их рисовал себе в воображении Кузьма. Норма! Оба из села, выучились, работали за совесть, Родина оценила, любят прямоту, порядочность, надёжность в людях и так далее.

Кузьма им сразу понравился, он это почувствовал. Не мог понять одного, почему его, человека другого уровня, не их круга принимают так любезно, по-свойски. Или хотят также по-простому дать от ворот поворот, или тут, что-то не то, зачем-то он им понадобился. Всё развеялось, когда папа – директор завода завёл его к себе в кабинет «на коньячок».

– Вот что Кузьма. Парень ты, я вижу, неплохой, без вывертов. Хотелось бы, конечно, нам с матерью познакомиться с твоими родителями. Так, знаешь, на всякий случай. Но тебе я скажу прямо. Тая у нас одна, мы почувствовали, что она к тебе привязалась, можно сказать, полюбила. А если так, то нечего вам по дачам блядовать, нужно оформлять нормальную жизнь. Тебе, я скажу прямо, такого шанса в жизни больше не видать. Повезло – не брыкайся! Я создам все условия. Будешь учиться дальше, если есть голова на плечах, выйдешь в люди. Не хочу, как отец, чтоб Таисия скурвилась. Решай!

Через неделю познакомил Кузьма Тайкиных родителей со своими, во время этого же вечера знакомств сделал ей при родителях предложение руки и сердца. Старики расчувствовались и напились до чертиков, матери расплакались и обменялись рецептами селенных огурцов, наречённые смотрели телик. Идиллия! Все внешние атрибуты будущего счастья висели в воздухе в образе внуков, стодолларовых бумажек, возбужденного пениса и прочей чепухи, в общем, каждому виделось своё, и все были счастливы.

Дальше, а что дальше? Кузьма окончил университет по специальности история. Тайка родила сына Васю. Потом больше рожать не могла. Бурная обеспеченная молодость влияет на здоровье не лучше голодной и холодной.

Карьера Кузьмы, теперь уже Кузьмы Трофимовича, неслась как в скоростном экспрессе, только рельсы печально блестели вслед. Тайка стала кандидатом наук и заведовала английской

кафедрой в том же областном университете. Виделись ночью, иногда по воскресеньям, иногда вместе в отпуск. Друг другу не надоедали.

А теперь тов. Ручкин получил новое назначение с повышением и плотно раздумывал над судьбой единственного и любимого сына.

– Я скажу тебе как отец, Василий, – продолжал бывший учитель физкультуры, – лучшего высшего заведения, чем Академия главных чиновников, в нашей стране нет. Ни университеты, ни институты, ни театральные и цирковые училища не дадут тебе столько, сколько Академия. Ты, Вася, будешь учиться на элиту и станешь элитой. Я бы и сам там с удовольствием поучился, но мне это уже не надо. Я, сынок, при деле, при должности. А у тебя всё впереди. И надо не музыку слушать и по дешевым кабакам лазить, а учиться, учиться и ещё раз учиться, как я всегда говорю молодёжи на встречах в напутствии в счастливое завтра.

Воспитательная беседа приближалась к финишу. Вася расслабился. «Отец, конечно, неплохой мужик, счастья хочет для меня, по-своему, по-тёмному, есть что-то такое звериное, инстинктивное во всех его рассуждениях, да и достал, конечно, всё про одно и то же каждый раз. Но жалко его, а если посмотреть на него не критично, ещё ничего, классный батя получается».

Я не сосунок, понимаю, что шмотьё, тачка, дача в два этажа, загранпоездки, да вообще всё это не из его руководящей зарплаты в тугриках – 200у.е. по курсу. Никакой учитель, врач и даже средний бизнесмен так глубоко у нас золотой пылью не дышит. Так что быть мне чиновником и я к этому готов. Как говорит отец – это мой сознательный выбор».

Так горько и справедливо размышлял сын бюрократа старший школьник выпускного класса лучшей школы города Василий Ручкин о времени и о себе.

Замечу, дорогой читатель, если уж я взялся толкать Вам эту лабуду, то есть рассказывать эту занимательную историю, что Вася был именно хороший мальчик, в том самом смысле слова, в каком мы с Вами привыкли, особо не задумываясь называть чужих детей хорошими или плохими.

Он не пил, хотя водку и пиво попробовал несколько раз в компании одноклассников-олухов, курил тайком, но был уверен, что бросит. Вася, что просто удивительно в наши словоблудные времена, почти не ругался матом и не любил слышать, как ругаются другие. Он был хорошо физически подготовлен, отец, как учитель физкультуры, потрудились ещё в его детские годы – привил любовь к спорту. Вася много и вдумчиво читал, писал неплохие стихи, вёл дневник своих наблюдений за миром и очень стеснялся девочек. Да! Поверьте мне, развращённые мифом о тотальной сексуальной безнравственности молодёжи читатели. Есть ещё девственники в старших классах наших общеобразовательных школ, несмотря на все старания учителей внушить полное омерзение ученикам к классической литературе, а вместе с ней к чистой любви, романтизму, верности, и всему тому прекрасному, во что давно не верят сами учителя.

Но кто-то может воскликнуть, ну вот, смотрите, только что на глазах у почтенной публики был описан, можно сказать, идеальный подросток, продукт гармоничного взаимодействия, слившихся в передовом педагогическом экстазе крепкой семьи и прогрессивной школы. Увы! Разочарую Вас, ибо смысл моего повествования в нелюбимом оглашении сермяжной правды.

Соседом Ручкиных по лестничной площадке был пенсионер дядя Саша, вернее, Александр Рафаилович Перчик, бывший директор областной филармонии. Человек одинокий, холостой, а почему, попробуйте догадаться сами. Всей своей одинокой душой эстета дядя Саша любил маленького Васеньку с самых ранних лет, а малютка привык называть его дедушкой. Именно эта чистая, бескорыстная привязанность старика и мальчика наполняла новым ароматным смыслом жизнь первого и очень повлияла на настоящую образованность второго.

У Александра Рафаиловича была прекрасная домашняя библиотека отечественной и зарубежной классики, множество книг по искусству и чудесная фонотека классической и джа-

зовой музыки. Полный интеллектуальный набор старого интеллигента. Когда его длинные тонкие пальцы доставали матового жука винилового диска, особенно завораживающе мерцал чёрный крупный камень в серебряном перстне, и он говорил: «Послушаем, друг мой, «Пер Гюнта» Грига, ощутим прозрачность и величие северных фьордов». Эта, некоторая напыщенность не резала Васиных ушей, в этих словах не было фальши как во всём остальном мире, а в остальном мире не было Грига, Врубеля, Рембо и, вообще, так называемый остальной мир жил именно как выброшенный остаток чего-то ненужного из квартиры дедушки Саши. Да и будем откровенны, кто и что может лучше повлиять на душу юноши, чем мудрый образованный старик, хоть он живой персонаж или книга. Ведь все умные книжки – это слова мудрых стариков относительно нашего времени, даже если книжки они писали молодыми.

Так лепилась натура нашего героя из материалов двух разных свойств: прагматизм и расчет родной семьи, и мир духа старого соседа.

Итак, наш юный друг, как говаривал господин Перчик, был одновременно и плох и хорош, как большинство из нас, но в силу своей молодости и неискушенности находился к хорошей части своей натуры гораздо ближе, чем любой тренированный жизнью взрослый. Был он среднего роста, строен, блондин с голубыми, как принято считать, предательскими глазами, и обладал очаровательной застенчивой улыбкой, которая легко обращалась на циничную усмешку всем обеспеченного человека.

Существовало ещё нечто в жизни Васи Ручкина, что сыграло определённую роль в его человеческом оформлении. Как это не банально – это была любовь! Да! Именно любовь! Хотите с большой буквы, хотите с маленькой, но любовь. Красивая, трепетная любовь подростка, не опошленная даже фантазиями на тему откровенных картинок и видео из порносайтов, которые, конечно, он с удовольствием маленького самца внимательно разглядывал.

Это была одноклассница. Брюнетка, Илона Северцева. Провоцировало на интерес к её особе уже само сочетание имени и фамилии. Что-то абсолютно южное, тёплое, пляжно-средиземноморское звучало в имени Илона, которое обрамлялось холодным, колючим в легкий морозец снежком – Северцева. Сразу представлялась прекрасная пальма, по капризу природы выросшая где-то в Арктике, на удивление белым медведям. Стройная пальма в ледяных торосах, стала дамой сердца школьника Ручкина, со всеми вытекающими для души и сердца последствиями: стихи, мечты, медленные танцы на школьных балах и т. д. Но в отличие от своего прыткого папаши Василий не был дамским сердцеедом, и если природа решила, в данном случае отдохнуть на потомстве, то сделала это по части любвеобильности. Короче, Васино либидо попёрло в голову, оставив на время без работы ту самую сферу, которая это либидо и порождает.

Подводя итог, вынужденному лирическому отступлению замечу, что жизнь Василия Ручкина была неинтересна по сравнению с жизнью Д'Артаньяна или Дика Сента, но кто знает, может быть, легендарный Чингачгук променял бы привилегию снимать скальпы с врагов на персональный компьютер с выходом в internet и личный автомобиль, если бы имел такую возможность. Надо, кстати, перезвонить ему на мобильник, спросить при случае. Это была глупая шутка.

* * * * *

Кузьма Трофимович решил, что от слов о благоустройстве сыновней судьбы пора переходить к конкретному решению вопроса.

Конкретно! Слово-то какое хорошее! Даром что ненашенское, а как прижилось: выпить – конкретно, порешать – конкретно, обговорить – конкретно, даже в туалет, наверное, лучше конкретно, чтобы долго не хотелось. Вот тебе и философская терминология в народной интерпретации.

Ручкин оформил себе командировку в Столицу на три дня. Перед этим, как человек основательный, перезвонил «туда» старому знакомому Григорию Фомичу Дузову, большой столичной шишке на видном месте. Шутка сказать, начальник кадрового департамента Кабинета Министров. Вся чиновничья братия через его службу прошла и по сей день проходит. Ох, толковый мужик, всё-то у него схвачено, кругом свои люди и каждый Григорию Фомичу должен за услуги, да за нужную бумажку, да за доброе словцо в высокое начальственное ухо. А проштрафится кто перед Дузовым, считай, поставил себе крест на карьере, да и на всей нелегкой судьбе. Это всё равно, что Чингиз-хану в период расцвета монгольской империи сказать: «Слышь, парень, я тебя не уважаю!». Но дураков нет, ни Чингиз-хану, ни Дузову никто такое не говорил и даже не думал.

Договорились поужинать в ресторане «Ночной охотник», что на улице Счастливого детства. Ровно в девять вечера в кабинет с накрытым столом и Ручкиным за ним появился Фомич. Обнялись, поцеловались, за жизнь покряхтели, после третьей Дузов сам сказал:

– Давай, Кузя, что болит. Выкладывай. Или уже проблем в жизни не осталось, или все деньги уже заработал и больше не хочешь?

– Ну, что Вы, Григорий Фомич, – делано засмеялся Ручкин, – нам ещё работать и зарабатывать долго и, дай Бог, много. Сын мой Василий, умный паренёк, поступить хочу его учиться в Столице, но не так сяк, а с прицелом.

– Говори куда, хотя догадываюсь.

– Совершенно верно, в Академию главных чиновников.

– Эх, замахнулся! В элиту влезть хочешь? Давай вон к международникам на дипломата или в университет на любую специальность.

– Если бы туда собирался, тебя б не беспокоил. Знаю, можешь ведь, старый носорог, как мы тебя называли, можешь пропороть любой вопрос, любую стену пробить.

– Не завирай! Любую... Ну, скажу так – повезло тебе Кузя, как с Тайкой тогда. Я только три года как нового ректора в Академию оформил. Не обращался к нему ещё ни разу. Поговорю завтра. А ты в Столице задержись. Тут, брат, у них правило такое, если он согласится, то кто-то из родителей, кто калибром покрупнее, является в Академию за дитё своё собеседование сдавать.

– Бабла что ли занести надо?

– Дурак! Бабла. Собеседование говорю. Это как на высший пост какой. Идёшь и своими ответами ручаешься за сына на всю его жизнь. Понял? На всю жизнь.

– Ну, понять-то понял, но вот что-то в толк не возьму, это как на всю жизнь?

– Как, как. А так, что он уже не просто студентом будет, а с первого дня получать начнёт такие знания и такую информацию, что ежели где не оправдает доверия, то всё...

– Как всё?

– Вот так, всё! Что, думаешь просто так, в большие люди берут. Это тебе не в твоей селухе королевать. Здесь другие счёты. По сути дела, ты сына полностью отдаёшь во власть стране и после этого ему уже ничем и никогда не поможешь. Вот и поразмысли ещё раз, хочешь такого пути пацану или нет.

– А ты вот, Григорий Фомич, большой человек, ты же этой Академии главных чиновников не заканчивал, а в люди вышел?

– Ушли, Кузя, те времена. Всё! Развод и девичья фамилия как говорится. Академию создали шесть лет назад. Да ты знаешь. Создали как новую кадровую колыбель, сам Президент так сказал и поставил перед ней особые задачи. Какие, не буду говорить. Думаю, что и в «Ночном охотнике» много охотников найдется послушать, о чём говорят два солидных человека. (Переходит на шепот) Первый выпуск уже состоялся. Так представь себе, что сразу со студенческой скамьи двадцать человек кинули в замминистры, пятнадцать – директорами стратегических предприятий, остальных редакторами газет и телеканалов, а ещё несколько поехали

послами в нефтяные страны. Вот такие брат пирожки с говном! Думаю, скоро и мой черёд в огороде на пенсии ковыряться. Буду на даче на Багамах в огороде бананы выращивать! – неестественно захохотал Дузов.

«Переживает мужик» – подумал Ручкин – «оно и понятно, кому охота от власти на сраные Багамы».

– А как же дети шишек столичных. Они же все там, в Академии?

– Ну, во-первых, не все, не каждый ребёнка Тараканищу отдаст. Помнишь у Чуковского «приводите ко мне, говорит, детей, звери, всех схавая!» Но многие отдали. А что делать? Куда их деток-то, не в инженеры ж, не в шахту. Вот и отдают, сердце не на месте, а ведут. Прсят, умоляют, бабки суют. Только дурней туда не берут. Экзамены очень строгие, как в партшколу при усаом. Я то уж знаю!

– Да! Кому как не тебе знать. Что ж ты мне посоветуешь, Григорий Фомич?

– Скажу тебе прямо, Кузьма Трофимович. Был бы у меня пацан в таком возрасте, вот те крест, отдал бы. Такая наша доля, доля чиновных людей. Тебе решать! Надумаешь, завтра до обеда мне перезвони в кабинет. Скажешь – Ручкин, секретарша соединит.

* * * * *

С тяжёлым сердцем и в нелёгких раздумьях возвращался в отель Кузьма Ручкин. Ну, было б двое, то одного б отдал. А так, Васенька один единственный. Ух, Тайка курва, «не буду больше рожать, не буду ни за что», врачи ей запретили. Так остро как сейчас, никогда ещё не любил Ваську Кузьма Трофимович, любил как дикий зверь своего детёныша, готов был разорвать это подлое Тараканище, раздавить как тварь последнюю. А где там. Его самого раздавят, только пикни. Что же делать-то?

* * * * *

Дузов ехал домой довольный собой и хорошо выполненной работой. Именно в его обязанности входило привлечение в Академию главных чиновников умных детей из высших бюрократических семейств страны. За сыном Ручкина они давно присматривали. Хороший паренёк! Из такого будет толк. Не приехал бы Кузьма сам, так по-другому подвели бы к мысли, что Ваську надо в Академию отдать, да так бы подвели, что и не понял бы, а всю жизнь благодарил Григория Фомича за великую помощь и услугу. Вот такие пирожки с говном. Дузов улыбнулся. Пирожки эти он сам придумал, мол, каждый хочет румяный пирожок скушать, не покумекав, что внутри, а когда откусит, поздно кумекать, говна уже полон рот.

* * * * *

На широкой кровати в люкс номере отеля «Гражданин» Ручкин провертелся без сна полночи. Встал, накинул халат, присел в кресло у журнального столика. На глаза попался свежий номер «Правды и совести». Взял в руки, развернул, стал бегло просматривать заголовки. Всё как всегда, названия статей успокаивали и подсказывали, не горюй Кузьма Трофимович, жизнь течёт по-прежнему.

Вот статья под названием «Дадим стране больше молока!». Дородная доярка с огромной грудью на фотографии. Сразу закрадывается едкая мыслишка, что такая может обеспечить молоком всю страну и без участия коров.

Короткое интервью Президента по поводу визита премьер-министра Ченбурикии. На фотографии два видных политических деятеля крепко обняли друг друга. Внизу подпись, цитата Президента: «Мы любим друг друга!».

«Пьянству и разврату бой!». Уволен директор столичного рынка. Комиссия по морали обнаружила у него на рабочем столе календарик с изображением девушки с бутылкой шампанского в руках. Члены комиссии, проанализировав ситуацию, пришли к выводу, что директор был сексуально-алкоголический фетишист и удовлетворял себя на рабочем месте созерцанием картинки.

А это что? Кузьму бросило в пот. На третьей полосе большая статья: «К нам поступают лучшие». Об Академии главных чиновников. «Ну-ка, ну-ка, прочтём». Сейчас в голове у Кузьмы Ручкина такой бардак, что я, вместо того, чтобы за его взглядом бессистемно носиться по скопищу букв и знаков препинания, приведу несколько выдержек из статьи.

«Академия главных чиновников (АГЧ) – это, как сказал наш честнейший Президент, «кадровая колыбель нашей страны». Самые умные и одарённые юноши и девушки со всех уголков нашей прекрасной и великой Родины учатся в АГЧ. Они прошли сложные честные и абсолютно прозрачные вступительные экзамены, сдали их только на «хорошо» и «отлично». Теперь они представители молодого и задорного племени студентов».

«Хотим, дорогой читатель, представить Вам ректора АГЧ, профессора, доктора морально-этических наук, академика Максима Максимовича Елбунова». На фотографии улыбающаяся физиономия под узким лбом и лысым черепом, в улыбке танцуют шейк кривые зубы. Впечатление такое, что во время написания докторской, он собственноручно, если можно так сказать, лишил мораль с этикой девственности.

«Наши выпускники нужны стране. Каждый получит престижную высокооплачиваемую работу. Я могу похвастаться, – говорит ректор Елбунов, – что меньше, чем 100 долларов в эквиваленте зарплаты у наших выпускников не бывает. Но такие деньги платятся страной, только за ответственный нелёгкий труд». Даже при взгляде на фотографию, понимаешь, что костюм господина ректора тянул минимум на десять таких «высоких» зарплат.

Но каждый видит своё. Всё внимание Кузьмы Трофимовича приковал небольшой абзац текста: «Академия не скрывает, что основная масса студентов – дети высокопоставленных работников. Мы нигде и никогда не позволяем себе что-либо утаивать от широких слоёв населения и нарушать тем самым гражданскую мораль. Да, это действительно так, что родители с высоким положением в обществе направляют детей в АГЧ. Но поступают лишь лучшие!» Эти три предложения сломили все псевдобунтарские настроения в душе бывшего учителя Ручкина. Лучшие учатся в АГЧ, а его сын не хуже, и он – КУЗЬМА РУЧКИН! – не лыком шит, не лаптем щи хлебает, не бог, но горшки обжигает, не голь перекатная и ещё сотни тысяч «не», засунет, устроит, протолкнёт Васю в это АГЧ «всем козлам назло». Эти «поэтическая» строка пилила мозг ответработника полночи, он чихнул и улыбнулся. Чему? Своему самодовольству.

* * * * *

До обеда он перезвонил Дузову. Представился. Секретарша соединила без лишних вопросов.

– Добрый день Григорий Фомич.

– Здоров, Кузьма Трофимович. Что надумал?

– Да, надумал бесповоротно. Надо Васеньке там учиться в этой АГЧ. В газете статью прочёл, помогло принять решение.

– Ну и хорошо, – улыбнулся Дузов: «Молодцы хлопцы, газетку на видное место подбросили».

– Что дальше делать?

– Дальше? А дальше так. Я полагал, нет, был уверен, что ты как любящий отец поступишь правильно. Поэтому Максим Максимовичу уже перезвонил и договорился, что он будет тебя сегодня ждать в своём кабинете в 23.00. Так что будь как штык!

– В одиннадцать вечера?

– А ты, что думал. Там работают круглосуточно. Важнейший участок, государственное направление. На вахте представишься, тебя проведут. Ну, давай, а то у меня люди в приёмной.

– Всего хорошего, Григорий Фомич, спасибо огромное!

– Сочтёмся!

* * * * *

Академия главных чиновников расположилась на одной из главных улиц Столицы, на улице Состоявшейся Революции. Со всех сторон обнесена оградой, облицованной белым мрамором. Территория просто огромная, напротив центрального входа пятнадцатизэтажный учебный корпус, за ним ещё четыре, но по девять этажей, здесь же на территории слева открытый стадион с футбольным полем и другими площадками, рядом закрытый спортивный корпус. Правая дальняя часть – студгородок: шесть корпусов общежитий стоят кругом фасадами вовнутрь. Кафе, ресторан, пивбар, книжный магазин, магазин готовой одежды, ещё какие-то мастерские по починке – всё размещено на первых этажах общаг.

Всё это архитектурное нагромождение, любезно показывал Кузьме Трофимовичу молодой человек, встретивший его на вахте. Извинившись за то, что Максим Максимович будет занят ещё около получаса, он предложил прогуляться по территории АГЧ. Несмотря на позднее время за оградой было светло, наружный свет лупил вопреки правительственной программе «Скромность и экономия».

– У нас самодостаточная инфраструктура, которая обеспечивает жизнедеятельность всей структуры в пределах контролируемой территории – заучено прокомментировал завершение экскурсии молодой человек и поднёс к уху заигравший государственный гимн мобильник, – Вас приглашает Максим Максимович. Я проведу.

– Позвольте один вопрос. – На ходу обратился к своему гиду Ручкин. – Где же все студенты?

– А, конечно, – улыбнулся провожатый, – После 22.00. у нас время пребывания студентов первого курса в общежитиях, так что они по своим комнатам готовятся к занятиям. Старшие курсы на объектах, то есть на практике. Прощу Вас.

Он распахнул перед гостем входную дверь в пятнадцатизэтажный корпус. Просторный светлый холл, диваны вдоль стен, доски объявлений, в глубине помещения двери лифта. Ничего особенного.

– Кабинет Максима Максимовича находится на пятнадцатом этаже. – Сообщил под лёгкий гул скользящей вверх кабины сопровождающий Ручкина субъект.

Пустой длинный коридор с ковровой дорожкой на полу завершился высокой двустворчатой дверью с лаконичной табличкой «Ректор». Секретарша уже покинула рабочее место, дверь в кабинет Елбунова была приоткрыта.

– Максим Максимович, я привёл гостя, – доложил молодой человек, войдя в кабинет.

– Приси!

Кузьма Трофимович ступил за порог, навстречу с улыбкой двинулся к нему портрет из газеты.

– Ждал Вас, господин Ручкин! Ждал.

– Добрый вечер!

– Присаживайтесь. Как не ждать старого товарища Григория Фомича. Без долгих преамбул скажу, готов помочь, чем могу. Нам нужны надёжные и умные студенты. Сына Вашего, кажется, Василием зовут.

Ручкин кивнул.

– Да мы таких Василиев по всей стране ищем, собираем. Предупредил ли Вас Дузов, что сначала Вам следует пройти собеседование, что во многом важнее для поступления, чем результат экзаменов сына, который, безусловно, также должен быть на высоте.

– Да, я предупреждён и готов пройти. Назначайте время.

– Время? Например, сейчас! Очень подходящее. В самом деле, тихо, спокойно, никто не мешает. Не волнуйтесь, – заглянул в листок бумаги на столе, – Кузьма Трофимович, это не то собеседование, я имею в виду содержание, к которому вообще, в принципе, можно подготовиться. Его можно проводить в любое время, но, правда, не в любом месте. Как было модно изрекать в прошлом веке «место встречи изменить нельзя» и суть встречи тоже. Вы согласны проделать это сейчас?

Холодная улыбка тонких губ – эспандер, растянутый культуристом, декорирование сверху из двух матовых зелёных отражателей – глаза. Рука хозяина уже взяла Кузьму под локоть, дав понять – здесь никто не ждёт ответа, ответил тем, что явился сюда.

– Прошу, господин Ручкин, нам на тринадцатый этаж.

В затемнённой комнате на тринадцатом, лаборант усадил Ручкина в кресло на возвышении. Прикрепил к вискам и затылку датчики на лейкопластыре, пальцы рук и запястья одели в перчатки с множеством отходящих проводков. Возле кресла мониторы, перед ними пульт управления. Елбунов сел напротив, за стол, в руках блесит ручка. Разложил какие-то бумаги, поднял голову. Улыбка уже умерла, кажется, что навсегда. Лицо приобрело естественное выражение, маска древнего духа – безмятежно-жесткая.

– Господин Ручкин, прежде чем мы погрузим Вас в состояние гипнотического сна я задам несколько общих вопросов. Первый: приучен ли сын к основам нашей морали?

– Я уверен, что да! Я сам профессионально занимаюсь моралью и этикой, и с детства внушал Василию основные принципы нашей страны...

– Вы меня не поняли. Я совсем не о той морали, которую мы предлагаем всем, не о морали для общего пользования. Ваш сын вырос в семье высокого чиновника, в Вашей семье. Понимает ли он суть кастовой морали, что нам разрешено больше, чем прочим, что мы не живём, грубо говоря, на одну зарплату, что есть особые тайны, которые нельзя выносить за пределы нашего слоя, что мы основа этой страны и так далее. Получая особые материальные блага, наблюдая вас в быту за подготовкой рабочих вопросов, читая прессу, осознаёт ли он это?

– Да, конечно.

– Подтвердите на простом примере.

– Сейчас, сейчас... – Ручкин искал в памяти что-то очень простое и яркое, нашёл! – Как-то мы с сыном ехали с дачи на служебном «Мерседесе». Мальчик попросил разрешение сесть впереди возле водителя. Он любит быструю езду, у него Fiat «Bravo», мой подарок. Так вот, требовал от водителя разогнаться. Мы шли где-то под 150 км/ч. Вдруг из-за трактора, стоящего на обочине выскочил человек, наверное, тракторист. Водитель успел вывернуть влево, но задел тракториста, немного, тот упал, стал подниматься. А Васенька, совершенно не растерявшись, говорит водителю «Нечего останавливаться, пусть, смотрит, кто едет и какие номера. В следующий раз будет лучше видеть». Я велел водителю ехать дальше. Конечно, Вася был потрясён, но казалось, что он был готов к тому. Что тракторист должен выскочить...

– Очень хорошо! Убедительный случай. Мальчик осознаёт свою особую принадлежность, справедливо порицает зарвавшегося гражданина и готов разделить с отцом небольшую тайну. Очень хорошо. Скажите, что читает Василий, только не называйте вещи из обязательной школьной программы.

– Я постараюсь, правда, в силу постоянной занятости, так сказать, не вникаю. Но на книжных полках в его комнате видел Ницше, Камю, этого Севенд..., Сверден...

– Сведенборга.

– Да! Спасибо, Сведенборга, Макиавелли, Достоевского...

– Достаточно. Очень неплохо. Хороший вкус. Эстетизм должен стать заметной чертой новой бюрократии, с интеллигенцией, сами знаете, надо работать на уровне. Пишет ли что-нибудь? Стихи, прозу?

– Да и очень красиво. Подражает, этому... Рембо.

– Вася гомосексуал?

– Нет, что вы! Он нормальный парень.

– Не беспокойтесь, ведь это не причина для отказа. А если натурал, тем более. Последний вопрос. Ответьте предельно честно. Насколько сын привязан к Вам и к матери, то есть, делится ли тайнами, переживаниями, готов ли он к долгой разлуке. Суть вопроса понятна?

Ручкин задумался: «Он всегда тепло относился к сыну, даже в состоянии своего проявляющегося семейного самодурства. А как Василий? С матерью он не близок. Не раз Тая жаловалась Кузьме, что сын очень скрытен и неоткровенен. А с ним? Да, если предельно честно, когда они там видятся. Так, фрагменты на пять минут из шестнадцатисерийного фильма. Васе шестнадцать, а что я могу сказать о нём. Могу хвалить, могу поругать. Его и ругать-то не за что. Чёрт! А сын действительно далёк от меня, или я от него. Живём бок о бок, а как в разных странах. Ладно, чего хныкать, скажу, как есть».

– Я думаю, что он не близок с матерью и со мной тоже. Мне просто нечего сказать о том, что у него внутри, в мыслях...

– Что ж. И это не страшно для будущего образования. А теперь Кузьма Трофимович расслабьтесь, Вы входите в гипноз.

Кузьма куда-то улетел, во тьму, в пропасть, в открытую красную пасть дикой кошки. Это последнее, что он помнил.

– Алексей, – обратился Елбунов к лаборанту, – вынь из него ответы по стандартному опроснику, а потом загони ему все защитные программы по безопасности, включая У-84 и личный код.

Максим Максимович заторопился к себе в кабинет. Есть возможность поработать. Он почти уже закончил книгу и теперь размышлял над названием. В голове крутились два варианта: «Как правильно защитить демократические завоевания» и «Защищённая демократия – лучший удар по врагу».

Ручкин очнулся так же мгновенно, как и засыпал. Лаборант аккуратно снимал с него перчатки. За столом сидел дугой незнакомый человек.

– Подойдите к столу, Кузьма Трофимович. Вам надлежит подписать документ о неразглашении. Ознакомьтесь и подпишите.

«Я, Ручкин Кузьма Трофимович, торжественно клянусь ни при каких обстоятельствах, никому, включая родных и близких, не рассказывать о факте собеседования, его содержании и методах, не оставлять следа в записях, на аудио и видеоаппаратуре. Я уведомлён, что разглашение приравнивается к публичному раскрытию государственной тайны, в случае нарушения мной данной клятвы, формы и методы наказания выбираются компетентными органами нашей страны».

Расписался.

– Вот набор вопросов, – продолжил человек за столом, – которые должен готовить абитуриент. Документы в комиссию необходимо подать в срок. Всего хорошего.

* * * * *

Этой ночью Кузьме снился странный сон. Он лежит в длинной тонкой лодке одетый в белое, с разрисованным татуировкой лицом. В руках копье и топорик. Лодка плывёт по реке вдоль лесистых берегов. На поляне у реки курят трубки индеец и медведь. У индейца голова в уборе из длинных орлиных перьев, прямо как в кино. Индеец вынимает трубку изо рта, выпускает кольцо красноватого дыма и вдруг говорит о нём, о Кузьме: «Он плывёт в долину духов в Стране Предков», медведь, в свою очередь, берёт трубку в лапу и рычит: «Ну и хрен с ним, кому он теперь нужен в племени!».

Течение реки убыстряется, лодка уже несётся с невероятной скоростью в направлении оглушающего грохота. Кузьма хочет выскочить из лодки, но не получается, тело отключено. Он мёртв. Грохот совсем близко, лодка сваливается в высоченный водопад. А-аааа!

Ручкин проснулся, резко сел в кровати. «Что ещё за чертовщина!» Теперь этот сон-видение будет постоянно преследовать его в самых разных вариациях.

II

Неоспоримое преимущество

В Новогодние и Рождественские праздники особенно трудно надзирать за общественной моралью. Во-первых, везде пьют, попирая все государственные законы и указы Президента, во-вторых, под влиянием алкогольных паров, лезут друг на друга как кролики. Причём, не только всякая шелупень, но и первые руководители, и их замы. Мораль лежит в стороне, и тихо стонет от возмущения, а может и не от возмущения, а от чего-то другого.

Хлопот у Кузьмы Трофимовича в такие дни полон рот. Действительно, рот не закрывается. Оперативки, совещания, выездные заседания, брифинги с прессой, интервью, выступления перед молодёжью, и даже инструктаж с Дедами Морозами и Снегурочками, которые, в соответствии с недавно открытой древней традицией, должны не водку смешивать с шампанским при любом удобном случае, а пить исключительно молоко и закусывать печеньем.

А то вот в одном из районных детсадов в младшей группе был случай. Дед Мороз явился в дупель пьяный. Начало утренника продержался, но когда Баба-Яга сказала ему по сценарию: «Мы ещё посмотрим Дед, кто кого!» и легонько толкнула, он упал без чувств посреди зала и уснул. Воспитатели поднять спящего пьяницу не смогли, а дети подумали, что Баба-Яга окончательно победила Дедушку Мороза, и стали хором рыдать, а когда одна девочка крикнула: «Я знаю! Дедушка умер. У нас так сосед упал и его на кладбище увезли!», детское горе вылилось в дружный рёв. За Дедом Морозом приехала милиция, и чтобы успокоить детей, на виду у них «арестовала» Бабу-Ягу с Лисой.

Нравственность падала с катастрофической скоростью. Столичное министерство давало накачку, и Ручкин появлялся дома только глубокой ночью, чтобы уже в 06.00. ехать на работу. Не понимали люди новых моральных установок власти, а примеры в прессе и по телику, из жизни благовоспитанных датчан или шведов только вызывали тихие алкогольные протесты.

Кузьма Трофимович решился на отчаянный шаг. На совещании у губернатора предложил на Рождество закрыть все пункты продажи алкогольных напитков. Ошибочка, конечно, вышла. Нельзя быть святее самого Папы. Губернатор от такой инициативной наглости побагровел как Дед Мороз к концу рабочего дня. Он сам хотел внести подобное предложение для обсуждения, но его хамски опередили. Теперь народ был спасён, правда он никогда не узнает, кому благодарно кланяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.